

75 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

# СОФЬЯ УРАНОВА, ЛЕТОПИСЕЦ ПОЛКА

Более сорока лет назад на московской выставке художников-ветеранов Великой Отечественной войны, что традиционно проходила на Кузнецком мосту, меня поразила красивая, элегантная, безукоризненно и просто одетая женщина, казалось, бывшая в центре внимания всех хозяев и гостей этой выставки. С ней здоровались, дружески обнимаясь, ей галантно целовали руку, подносили цветы, ее фотографировали, ей горячо аплодировали, когда она со скромным достоинством выступала на вернисаже. А говорила она (Софья Сергеевна Уранова, как выяснилось позже) о замечательном фронтовом братстве художников, о большой общественной пользе таких выставок, о работах своих коллег, которые были представлены в экспозиции.

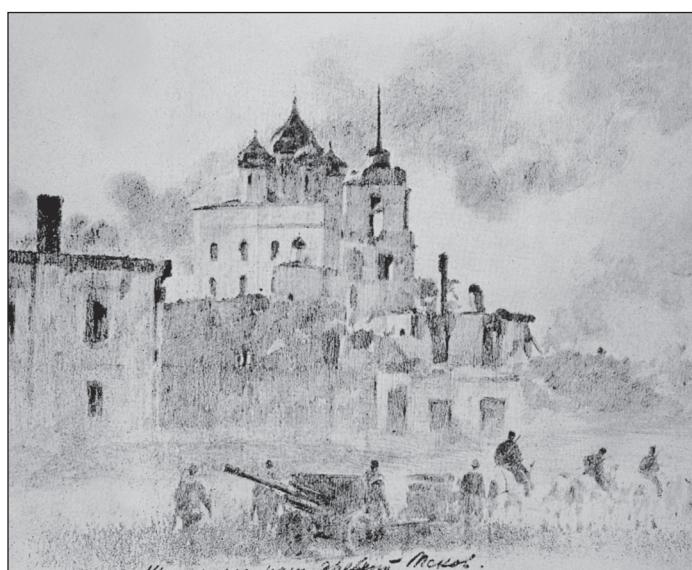
Потом меня познакомил с ней тоже художник-ветеран Николай Григорьевич Петров, и я с удивлением держал в руке маленькую, изящную ручку этой не достигшей еще семидесяти, обаятельной и умной дамы. Впрочем, «дама» было словом неуместным в этом конкретном военно-фронтовом контексте. Ведь она прошла и пропустила через сердце Великую Отечественную от Курской дуги, Орловских сражений, западных боевых операций до освобожденных европейских столиц и поверженного Берлина. Обо всем этом и о многом другом мы говорили во время второй встречи, которая состоялась в редакции газеты «Московский художник» на Беговой улице, где я в то время работал. Софья Сергеевна подарила мне только что переизданную книгу «Четыре года в шинели», проиллюстрированную собственными рисунками, выполненными на местах походов и сражений в составе 31-го артиллерийского полка 12-й гвардейской Пинской



Краснознаменной дивизии. Она была на передовой, она служила на равных со всеми, ее с уважительной гордостью называли «летописец полка». Но вкус войны она почувствовала еще раньше, когда с миссией «летописца» побывала в командировке на местах только что отгремевших сражений в районе Карельского перешейка. Здесь, созерцая этот горестный «пейзаж после битвы», она мечтала написать большую картину о войне, о человеческой цене стратегических кампаний, о скорбной солдатской части. Но скоро подоспела новая война, страшнее которой еще не знало человечество. И по доброй воле, с несгибаемым упорством рядовой Уранова отправилась на передовую – на четыре долгих года резко выключилась из нормальной мирной жизни.

Рассматривая рисунки в книге, я удивился: как смогла не искушенная в ратной обстановке девушка, еще совсем молодая и неопытная художница настолько уверенно, пластично, точно и лаконично формулировать в рисунке свои фронтовые наблюдения. Софья Сергеевна с гордостью рассказала о своих педагогах, главным из них был Михаил Васильевич Нестеров, подметивший в своей ученице задатки незаурядного рисовальщика, проницательной портретистки, художницы, способной мыслить композиционно с предельной ясностью и четкостью.

Потом, продолжала Софья Сергеевна, я упорно занималась технологией живописи, работала под руководством выдающихся художников В.Н.Яковлева и П.Д.Корина в реставрационных мастерских ГМИИ. Мне необыкновенно повезло в жизни, первое мое живописное полотно приобрел Алексей Максимович Горький. Он же поспособствовал тому, чтобы молодая художница





смогла совершить интересные и незабываемые поездки по Западной Европе. Я побывала в музеях и галереях Италии, Англии, Франции, Германии, Австрии, Польши, с энтузиазмом и терпеливым упорством знакомилась с мировой классикой и современным искусством первой трети XX века. Уже на войне, в минуты редкого затишья, многие великие произведения вспоминались мне, давали нравственную и творческую опору...

В третий раз мы встретились с Софьей Сергеевной в нашей редакции по счастливому поводу. В «Московском художнике» была напечатана статья известного поэта Николая Тихонова, Героя Социалистического труда, лауреата Ленинской премии. Он еще до войны был знаком с художницей, высоко ценил ее фронтовую графику. И здесь, конечно, не обойтись без пространной цитаты из Тихонова: «Уранова жила среди бойцов, среди боев, среди походных будней, среди всего величия и всего кровавого хозяйства войны, среди гула артиллерийской стрельбы. И ее полюбили боевые товарищи, и о ней заботились бойцы и всячески старались облегчить ее существование в суровых боевых условиях. Она вела фронтовой дневник и рисовала, как будто старалась все перенести в свой походный альбом – и наступление, и стрельбу батарей, и походные дороги, и эшелоны, и отдых, когда спят под орудиями усталые солдаты, и

атаки, и умирающих товарищев, и раненных, и беженцев... Она спала на земле, накрывалась шинелью, мокла под осенними дождями, сквозь метель пробивалась на грузовиках, редко крыша дома укрывала её. Под ливнями немецкого огня, пробираясь в дыму горящих городов, за которые шли уличные бои. Много было трудностей, набегала усталость, но впечатлений было столько, сколько она не могла увидеть за годы, прожитые перед тем».

Свои впечатления Уранова воплощала в небольшом формате походного альбомчика с помощью неразлучного и неутомимого свинцового карандаша. Ее рисунки не были пафосными, героическими, тем более – надуманными и приукрашенными. Перед нею не стояло задач агитирующего плакатиста и мастеровитого баталиста. Она просто изображала то,

что каждодневно видела вокруг себя. В ней давали себя знать мощная тема существования на фронте обычного солдата и совсем скромная тема быта батареи, полка, каждого человека, занятого жестоким и неизбежным «трудом» войны. Да, это был физически тяжелый и морально изматывающий труд, – рассказывала, не спеша делая глоток из чайной чашечки, моя удивительная гостья, – порой я напрочь забывала, что рождена женщиной, что проходит молодость, как я выгляжу, всё ли в порядке с моей одеждой, в сущности униформой, будет ли еще у меня впереди счастливая мирная жизнь... Ведь вокруг каждый день погибали люди, постоянно стонали и бредили тяжелораненные, враг захватывал чуть ли не половину нашей территории, и было неизвестно, что будет завтра, кроме какой-то детской и вдохновенной веры, что мы обязательно победим, надо только немного потерпеть. Именно терпение и труд многое решали в этой войне. Да еще маленькие, согревающие душу радости: пришло долгожданное письмо от любимых и близких, выписанный из медсанбата получил заслуженный отпуск, нашего любимого младшего лейтенанта повысили в звании, а старшина награжден медалью и сфотографировался по всей форме для фронтовой газеты... Было уже совсем что-то земное, доброе и приятное: вовремя подоспела походная кухня, и на обед была картошка со шкварками, ребята из разведки набрели на поляну белых грибов – состоялся торжественный ужин, где-то под Псковом отбили фашистский обоз, и экипировались сапогами и теплыми вещами, слушали концерт лирической песни – наш сержант оказался грамотным гитаристом, а инструмент, почти невредимый, нашли в сгоревшем дотла городском общежитии... Вспоминаются такие драгоценные мелочи, как возможность помыться горячей водой, неторопливо написать обстоятельное письмо маме, послушать на трофеином граммофоне каким-то чудом сохранившуюся пластинку Шаляпина. А дальше – война, война, война. А дальше – непролазная грязь дорог, рваный ритм наступле-



ния, неминуемые встречи с человеческим горем и бесприютностью освобожденных сёл и городов. А вы знаете, что самое прекрасное и желанное на этой безобразной и беспощадной войне? Это более или менее уютный, продолжительный, обеспеченный теплом и безопасностью сон. Просто закрываешь глаза, и тебе снятся чистые, ясные, безмятежные сны...

Софья Сергеевна показывает мне рисунок, где, раскинув руки над головой, сладко спит молодой пехотинец, она помнит, как его зовут, и с какого рискованного задания он вернулся живым. А вот мертвые – они лежат почти так же тихо и безмолвно, как спящие, их имена тоже сохранила в памяти женщина-художник, женщина-мать всех этих пулеметчиков, связистов, разведчиков, саперов, снайперов, прибившихся случайно партизан и погорельцев уже не существующих деревень. Она родина-мать, она Мадонна итальянских фресок и Богоматерь русских икон. Не случайно мне показалось, что в одном из образов медсестер она запечатлела себя: такое грустное, озабоченное, чуть усталое и взволнованное лицо...

Софья Сергеевна, как можно привыкнуть к самой бесчеловечной и варварской мировой катастрофе – к четырем-пяти годам бесконечной, мучительной войны? Художница отвечает страницей своего дневника: «В первые дни своего пребывания в полку я описывала трудности и тяжести походной жизни. И понятно! Ведь такие лишения и мытарства мне приходилось испытывать впервые в жизни. Но теперь, когда по орловским равнинам гналась за нами сама смерть, когда она столько раз смотрела в глаза, – трудности походов просто перестали существовать, о них не говорим, их не чувствуем – они кажутся вполне естественными». Это слова мужественной женщины, да простится мне невольный оксюморон, это слова истинного художника, высоко поднявшегося над прозой жизни.

Из военного пекла Софья Уранова вышла живой, созидательной, мудрой, зрелой в гражданском смысле и в профессиональном. Ее работы приобрела Третьяковская галерея, ее рисунки и воспоминания изданы впечатляющими тиражами. Она стала востребованным художником. А из-под ее пера и кисти появились не только образы рядовых тружеников



войны, но и портреты известных, выдающихся людей – генералов и военачальников, зарубежных писателей Анны Зегерс и Назима Хикмета, автора впечатляющих мемуаров «50 лет в строю» А.Игнатьева... А для меня, дорогая Софья Сергеевна, вы своими уникальными фронтовыми рисунками встаете в ряд лучших представителей советской военной прозы – Быкова, Бондарева, Симонова, Некрасова, Воробьева, Кондратьева, Астафьева... Вслед за этими всенародно любимыми «лейтенантами» вы внесли свой талантливый и неувядаемый вклад не только в Победу, но и в музейную сокровищницу отечественного искусства.

И последнее, Софья Сергеевна, вспоминаю ваш натуальный рисунок (или их даже несколько), на котором запечатлена группа пленных фашистских офицеров. Вы не издеваетесь над ними, не показываете свое высокомерное превосходство над поверженным врагом, не обращаетесь к прославленному Кукрыниксами жанру политической карикатуры. Вы просто внимательно всматриваетесь в эти лица и видите в них полную растерянность, жалкие остатки былого воинского величия, комичное удивление агрессивных сверхчеловеков своим печальным концом, своим закономерным и предрешенным историей катастрофическим поражением. Художник Уранова, оплакавшая на своем воинском пути тысячи солдатских жизней, сохранила великодушие и христианское всепрощение к оккупантам, – об этом, конечно, не говорилось в советское время, – но это подспудно чувствуется в ее подлинно гуманистическом искусстве. В одной из бесед она негромко и, быть может, неосознанно сказала: «Учителя сделали меня полноценным профессионалом, а война сотворила из меня художника с открытым сердцем, с бес покойным разумом... мне даже очень лестно звание «летописца», а не какого-нибудь академического маэстро и корифея»...

Как жаль, уважаемая Софья Сергеевна, что сегодня с вами уже нельзя поговорить о наших насущных проблемах, о больших вопросах текущего времени, о разрушительных войнах и психических атаках в наших душах. Но вы были, вы честно и достойно прожили вашу трудную жизнь, вы остались нам драгоценную россыпь замечательных рисунков. И светлая вам память и благодарность потомков!

**Н.ИВАНОВ**

Воспроизведены фронтовые рисунки С.Урановой.

